

Раскопки в Дура-Эвропос

The Excavations at Dura Europos. Preliminary report of Sixth Season of Work. Oktober 1932—March 1933. Edited BELLINGER, HOPKINS, ROSTOV-TZEFF and WELLES. Haven. Yale University Press. 1936. 518 ps. LIII pls.

Большой укрепленный город (современное название его—Sâlihîeh), лежащий на правом берегу среднего течения Евфрата, за шестисотлетний период существования испытал много потрясений и перемен. Его положение на торговой и военной дороге из Месопотамии к Северной Сирии служило этому главной причиной. Основателем города, как укрепленного форпоста на восточной границе владений Селевкидов, считается Никанор, возможно, один из стратегов Селевка I (известие это дошло через Исидора из Харакса, Geogr. graeci minores, I, p. 248). Распадение царств Селевкидов, подъем и расширение границ Парфянского царства обращают город в важный пункт на пути парфянской экспансии на запад (II в. до н. э.). В I в. н. э. мы находим его под властью Пальмиры. В начале следующего столетия (116 г.) в него впервые вступили римские войска императора Траяна (во время парфянской войны). В 162 г. под его стенами была одержана решительная победа над парфянами римским полководцем Авидием Кассием (при императоре Люции Вере). В 60-х годах III в. город был захвачен и разрушен парфянами, после чего остался необитаемым. До этого трагического конца внешние пертурбации не препятствовали его внутренней жизни и тем торговым и культурным связям, за счет которых он развивался. Сирийское поселение Dura, греками названное Ευροπος, было колонизовано в македонскую эпоху и обратилось в торговый полис, каким в значительной степени продолжало оставаться до конца своего существования. Роль караванного передаточного пункта на магистрали азиатско-средиземноморской торговли обеспечила городу процветание, выразившееся в аккумуляции разнородных культурных элементов, причудливое сочетание которых поражает современного исследователя. Пески пустыни, на краю которой стоял Дура-Эвропос, предохранили его развалины от дальнейшего уничтожения. Окружающие его стены и башни сохранились на высоту 5—6 м и более. Средняя высота остатков зданий внутри города 2—3 м.

Восемнадцать лет назад на стене одного из зданий, освободившейся от покрывавшего ее песка, были замечены остатки фресковой живописи. На место прибыл известный египтолог Брестед, произведший небольшую расчистку, фотографирование и зарисовки фресок, принадлежавших, как это выяснилось потом, росписи храма пальмирских божеств¹. Первые раскопки города были произведены Ф. Кюмоном и Ренаром на протяжении 1922—1923 гг., в результате чего в 1927 г. первый из них опубликовал большой том в сопровождении прекрасного атласа, где изданы все найденные ими архитектурные, эпиграфические, художественные и бытовые памятники с весьма обстоятельным и разносторонним комментарием (F. C u m o n t—Fouilles de Dura-Europos, Paris, 1927). Свои исследования Кюмон начал с оборонительной стены, произведя расчистку одной из башен. Среди находок им отмечены обломки нескольких деревянных щитов, из которых один сохранил обтягивавшую его кожу с изображением известной уже нашим читателям карты Черноморского бассейна (см. «Вестник древней истории», № 1). В надписи, обнаруженной в башне, упоминается cohors XX palmyrenorum sagittarium, из чего Кюмон заключает, что эта часть укреплений была поручена в течение какого-то времени надзору когорты пальмирских лучников, входивших в состав римского гарнизона крепости. Монументальная кладка оборонительной стены из хорошо отесанного камня, без применения внутренней забутовки, с большими четырехугольными башнями через короткие промежутки куртин имеет около 4 м толщины и до 10 м

¹ См. публикации Б р э с т е д а в «Syria» III (1922), p. 178, а также «Oriental forerunners of byzantine painting», Chicago, 1923, p. 53.

в высоту и представляет собой уникальный по величине и сохранности памятник оборонительной техники, принадлежащий еще доримскому времени. Кюмон датировал эти стены временем основания полиса.

В юго-восточной части города к внутренней стороне оборонительной стены примыкает сложенная из камня цитадель со стенами и башнями римской кладки, и в стороне от нее, на господствующей над остальными частями города возвышенности, большой каменный блокгауз, или, как его называл Кюмон и последующие исследователи, редут,—ибо считалось, что это сооружение построено римлянами из стратегических соображений в период нахождения в городе римских войск.

Из исследованных Кюмоном городских зданий наибольший интерес представляют храмы пальмирских божеств и Артемиды Нанайи. Первый из них расположен в северо-западной части города и состоит из нескольких небольших помещений, группирующихся вокруг центрального двора. Самое святилище обращено к востоку и предшествуемо нартексом, портик которого лежит на четырех гладких колоннах. Святилище разделяется на пронаос и наос со специальным вместилищем (наиском) для статуй главных божеств храма. В плане здание почти в точности повторяет формы некоторых вавилонских храмов позднего времени. Многие помещения храма были расписаны. Наиболее замечательной является фреска, расположенная на южной стене наоса с изображением жертвоприношения, совершаемого двумя жрецами по поручению Конона, сына Никострата, и членов его семьи, портреты и имена которых написаны тут же. Фреска писалась в несколько приемов и может быть датирована в основной части концом I в. н. э.

Среди других изображений, сохранившихся на стенах наоса и пронаоса, должны быть упомянуты: весьма любопытная, но загадочная мифологическая сцена, несколько портретов жертвоприносителей, имена которых на греческом языке подписаны под изображениями (под одним портретом имеется, кроме того, подпись мастера, носившего семитическое имя Иласалюс), сцена жертвоприношения, совершаемого римским трибуном Юлием Теренцием, и, наконец, жертвоприношение пяти пальмирским богам—Ваалшамину (Зевсу), Аглиболу, Иаргиболу, Арсу и одному неизвестному божеству.

Все эти фрески могут быть датированы от I в. до начала III в. н. э. Сходство их с росписью некоторых пальмирских гробниц заставляет предположить, что их исполнили пальмирские мастера—носители весьма высокой живописной техники, возникшей на сирийской почве, вероятно, еще в эпоху Селевкидов и представляющей собой чрезвычайно интересную разновидность эллинистического искусства. Некоторые фрески храма пальмирских божеств смело могут соперничать с лучшими образцами греко-египетского портрета, равно как сцена жертвоприношения Никострата—с лучшими помпейскими композициями. Значение этой находки выходит за пределы истории пальмирского искусства.

Храм Артемиды-Нанайи, может быть, самое древнее из сохранившихся культовых сооружений Дура-Эвропос. По одной из найденных в нем надписей Кюмон датировал его последними годами I столетия до н. э. Храм посвящен сирийской богине, идентифицированной с греческой Артемидой, но близкой, как свидетельствует ее второе, под сказанное одним граффито имя, к типу малоазийско-сирийского женского божества плодородия. Этот храм многими чертами также принадлежит восточной архитектуре. Кюмон раскопал лишь небольшую часть этого сильно поврежденного здания и не выяснил как следует его плана. В одном из периферийных помещений он усматривал наос, пронаосом которого была комната с каменными сидениями, уступами поднимающимися к двум противоположным стенам (*salle aux gradins*). На каждом сидении имеется надпись лица, которому оно принадлежало,—это все были имена женщин, занимавших выдающееся положение в городе и являвшихся участницами какого-то официального женского культа, имевшего место в этом, специально для него приспособленном, зале. Из других помещений храма наиболее любопытен небольшой театр с орхес-

трой, но без сцены, и святилище Афродиты с фрагментированной статуей богини. Во многих местах храма заметны следы орнаментальной росписи и скульптурных украшений (фриз из предметов вакхического ритуала). В одном из помещений найдена неповрежденная портретная женская скульптура. Помимо двух *ex voto* Артемиде найдено большое количество надписей и граффити.

Весьма неожиданными для первых исследователей города были многократные находки пергаментов с текстами на греческом, арамейском и латинском языках. Среди этих находок на первом месте должен быть назван древнейшей образец античного пергамента, датирующийся 195 г. до н. э.—обрывок текста контракта (на греческом языке) на продажу недвижимого имущества. Кроме того, упомянем: часть диптиха, содержащего несколько торговых контрактов и долговых записей (I—II вв. н. э.), свидетельствующая о практиковавшейся системе официальной регистрации подобных сделок; остатки гражданского кодекса (может быть, нечто вроде *lex coloniae*), с изложением права наследования имущества; послужной список легионария (на латинском языке); частное письмо на арамейском языке и некоторые другие.

Рецензируемая книга представляет собой публикацию находок, имевших место на протяжении шестой кампании раскопок, предпринятых в Дура-Эвропос Изъским университетом совместно с Французской Академией надписей (под руководством Гопкинса).

Вышеописанные раскопки Кюмона не являлись таковыми в строгом смысле слова. Скорее это была лишь частичная расчистка некоторых памятников, привлекавших внимание исследователя. Американцы, приступившие к работам в Дура-Эвропос в 1928 г., помимо целого ряда новых, весьма важных открытий, последовавших в результате систематических и на широкую ногу поставленных раскопок, внесли целый ряд существенных коррективов в формулированные Кюмоном выводы.

Работы первой и второй раскопочных кампаний были посвящены исследованию оборонительных укреплений, расчистке самых больших, так называемых «пальмирских» ворот и цитадели (см. АЖА, XXXVII, № 1, p. 186 s.). У цитадели были обнаружены архитектурные остатки парфянского периода. Самые ее стены также оказались принадлежащими этому периоду и стояли на остатках какого-то сооружения эллинистического времени (может быть, храма). Городские оборонительные стены на основании новых данных, повидимому, должны быть датированы скорее парфянским, нежели эллинистическим временем. Далее (в течение третьей кампании) была произведена полная и тщательная расчистка открытого Кюмоном храма Артемиды-Нанайи. При этом обнаружилось, что развалины принадлежат не одному, а двум храмам с примыкающим к ним жилым помещением жрецов. Храмы разделяются узким проходом, которого Кюмон не заметил. Второй храм был посвящен культу богини Атаргатис. Здания одновременны и датируются по эпиграфическим находкам первыми годами до нашей эры. Архитектурные и нумизматические находки позволяют предположить, что на этом месте существовало более древнее культовое сооружение. В этом же раскопочном сезоне был открыт храм Тихе Дура-Эвропос, а также надпись с посвящением Юлии Домне, сообщающая официальное название города в римскую эпоху: *Aurelia Antoniniana Eucoros*. Из этой надписи видно, кроме того, что колониальный статут был дан городу при Каракалле.

Раскопками четвертой кампании было установлено, что сооружение, принятое Кюмоном за редут, представляет собой большой дворец, существовавший в парфянскую и римскую эпоху, с примыкающим к нему маленьким храмом. Возможно, что это была резиденция парфянского военачальника, часть помещений которой в более позднее время разделилась на небольшие частные дома (см. «Jahrb. d. deutsch. Arch. Instituts. 1931, В. 46, S. 581 f.»). В этом же сезоне были открыты остатки триумфальной арки с надписью, содержащей имя императора Траяна, из чего следует заключить, что римский гарнизон появился в городе впервые именно при этом императоре, а не при Люции

Вере, как это считалось раньше. Из других объектов, послуживших предметом исследования, необходимо упомянуть о раскопках агоры, отстроенной в парфянское время по греческому образцу. На улицах, ведущих к агоре, помещались мастерские и лавки, расположенные рядами, с колоннадой по фасаду. Они принадлежали торговцам металлическими изделиями, керамикой, ювелирными изделиями, хлебом, лечебными средствами. Одно из помещений было, возможно, книжной лавкой, судя по маленьким нишам в его стенах. Раскапывался также римский квартал с преторием, представляющим древнейший пример римских *castra stativa*, устанавливавшихся в стенах города. План претория следует образцам, известным по Ломбезису и германским лагерям. Было раскопано несколько небольших храмов и святилищ: в одном из них, у городской стены, оказались обетные приношения богу Афладу, вероятно, идентичному с ассирийским Апладом, сыном Гадада. Посвятительная надпись датирует его 54 г. н. э. Другое святилище (близ претория) принадлежало Артемиде-Азанатконе (разновидность великой сирийской богини): в нем было два наоса и зал, в точности соответствующий ступенчатому залу храма Артемиды-Нанайи.

Пятая кампания ознаменовалась открытием древнехристианского храма. Точнее это был частный дом, в котором первоначально была устроена небольшая и, вероятно, тайно функционировавшая капелла, занимавшая одну из комнат. Впоследствии же все помещение было приспособлено к культовым нуждам. Храм этот весьма интересен своими фресками. На западной стене святилища, за небольшой эдикулой с углублением в полу (баптистерий), изображены две сцены: на первой Адам и Ева у древа познания, на второй—добрый пастырь. Христос, на последней из них, изображен с большим бараном на плечах, среди стада. Эта композиция является неожиданной и уникальной среди многочисленных изображений доброго пастыря, более или менее однообразно повторяющих общезвестную канонизированную композицию. Обе эти сцены объединены идеей противопоставления земного рая небесному.

На северной и южной стенах также изображены различные сцены на евангельские и ветхозаветные сюжеты.

Техника фресок, не обладающая художественными достоинствами, имеет в одних случаях выраженные восточные черты, в других—столь же выраженные эллинистические черты, что говорит о одновременности отдельных изображений и принадлежности их различным мастерам. Наиболее ранние фрески могут быть датированы началом III в. н. э.; наиболее поздние—60-ми годами того же столетия, что является датировкой и самого храма.

Таковы некоторые из замечательных находок, сделанных в Дуре-Эвропос за годы, предшествующие раскопочному сезону 1932—1933 гг., к рассмотрению которого мы теперь переходим (о находках пергаментов, надписей и граффити за 1928—1931 гг. будет сказано при рассмотрении соответствующих находок 1932—1933 гг.).

Наиболее важным событием этого сезона было открытие еврейской синагоги с большим количеством фресковых изображений на библейские темы.

Здание синагоги расположено на улице, примыкающей к городской стене, между башнями № 18 и 19, среди жилых построек, которые, судя по граффити, найденным в некоторых из них, принадлежали евреям. Это был, таким образом, небольшой еврейский квартал. Синагога состоит из святилища, ориентированного на восток, и небольшого двора перед ним с колоннадой из шести колонн (см. табл. VIII отчета). Она воздвигнута на развалинах более древнего здания, очевидно, также бывшего синагогой. Дом, расположенный к востоку от нее, некогда представлял собой жилое помещение, перестроенное впоследствии для культовых нужд и служившее как бы преддверием храма. Вход в синагогу вел через это здание. Стены святилища (в особенности задняя, западная), отделенные от городской стены лишь небольшим пространством, сохранились благодаря этому соседству на значительную высоту (до 6 м). Святилище имело два входа: широкий—для мужчин, посередине, и женский, у южной стены. По всем стенам

святилища были расположены сиденья в виде широких выступов стены. В задней стене, выше уровня сидений, устроена неглубокая ниша, обрамленная снаружи колоннами, поддерживающими арочное перекрытие—ковчег торы. Рядом с ним расположено сиденье священника, к которому ведут высокие ступени. Задняя и две боковые стены святилища сплошь расписаны фресками. На задней стене, справа, изображены Моисей перед неопалимой купиной и сцена исхода из Египта. Последняя подразделяется на три отдельно представленных эпизода: казней египетских, разделения моря и гибели египетского войска. Под ними изображены: ковчег завета в земле филистимлян и храм Соломона, в виде греческого перилтера коринфского стиля. Еще ниже расположены сцены мифа о рождении Моисея и помазании Давида Самуилом. Фрески, таким образом, расположены в три ряда. Остальные, значительно хуже сохранившиеся, стены имели на себе ряд подобных же библейских сцен. Принцип их выбора и система расположения пока не выяснены. Техника фресок большей частью маловыразительная, краски довольно яркие, с резкими контрастами красного, черного и желтого цветов. Мирозрение художника или, вернее, художников, так как эти фрески принадлежат нескольким мастерам, насквозь проникнуто эллинизмом. Внешние черты изображенных персонажей (тип, прическа, одежда, аксессуары) также не дают ничего специфически национального или локального. Сколь ни неожиданным может показаться открытие подобного храма, казалось бы, резко противоречащего в своем убранстве правилам и духу иудейской религии, однако этому могут быть указаны кое-какие параллели, число которых в дальнейшем, вероятно, будет умножено (см. S u k e n i k—The Ancient Synagogue of Beth Alpha. Jerusalem, 1932, где воспроизведены мозаичные изображения ковчега закона, жертвоприношения Авраама, знаки зодиака и тому подобные украшения синагоги). Многие из изображений синагоги Дура-Эвропос имеют объяснительные подписи на греческом или арамейском языке. Найдены также целый ряд греческих и арамейских граффити, а также черепицы с арамейской надписью, с упоминанием жреческих должностей (жреца, казначея, управителя) и с точной датой постройки синагоги—556 г. эры Селевкидов—244/5 г. н. э.

В качестве примера жилого дома, которых в сезоне 1932—1933 гг. и до него было раскопано довольно большое количество, нам служит здание, названное издателями домом «римских писцов» (табл. X и XI).

Дома Дура-Эвропос более или менее однотипны и обнаруживают восточные черты. Большой частью это ряд небольших помещений, группирующихся вокруг двора, иногда окруженного колоннадой. Здания обычно одноэтажны (редко в два этажа), но отнительно весьма высоки, с небольшими окнами под потолком, в которые иногда вставлялась слюда. Крыши плоские и довольно часто сообщаются с внутренним помещением посредством лестницы. Материалом для построек служили камень и плоский кирпич. Дом писцов первоначально был самым обычным жилым домом, впоследствии же, незадолго до гибели города, после незначительных перестроек, обратился в канцелярию или квартиру нескольких младших офицеров римского гарнизона. На его стенах обнаружены многочисленные остатки живописных украшений (гирлянды, плоды, животные), фрагмент большой фрески с изображением обнаженной Афродиты с нимбом, фрагменты панелей с изображениями божеств (Пан, Флора) и портретами жителей или посетителей дома, среди которых подписями отмечены: Гелиодор актуарий, Ульпий Сильван тессерарий и Масим ойкодом (т. е. архитектор). Среди рисунков—грубо нацарапанные на штукатурке изображения пальмирских лучников.

Стенная живопись—не редкость и в других жилых домах Дура-Эвропос. Весьма интересные образцы ее, с одной стороны, стилистически очень близкие фрескам храма пальмирских божеств, с другой стороны—имеющие параллели в катакомбных росписях Пальмиры, юга СССР, Италии, обнаружены в одном из домов (табл. XLII), раскопанных в сезоне 1932/33 г. Одна из фресок изображает трех возлежащих пирующих мужчин, в греческом платье и в присутствии двух слуг; другая, фрагментированная

с одного края, изображала также пиршественную сцену, но с большим количеством участников, в присутствии сидящей в стороне женщины с покрывалом на голове и в сопровождении другой сцены, очевидно непосредственно связанной тематически с первой, представляющей конную охоту на диких лошадях или ослов. Между этими изображениями помещена фигура эрота (или крылатого гения) с венком и опрокинутым факелом. Перед нами, следовательно, сцена загробного пиршества и охоты как идеального времяпрепровождения в потустороннем мире—концепция, чрезвычайно распространенная по всему эллинистическому Востоку.

Из других архитектурных объектов этого сезона нужно отметить две римские бани (термы) с отопительной и водопроводной системой прекрасной сохранности (табл. IV). Они невелики и почти одинаковы в плане. От них резко отличается третья баня, парфянского периода—сводчатое здание с большим внутренним бассейном. Впоследствии оно было перестроено по римскому образцу, а еще позднее на этом месте был выстроен небольшой амфитеатр, вероятно, силами и для нужд римского гарнизона. Найденное в нем посвящение IV скифского и III кираканского легионов, которые *απρυτεατρ(υ)μ η fun(damen)tis ε(xtr)ιχηγυ(η)nt*, датирует его 211/2 г. н. э. Нельзя обойти молчанием находки, имевшие место при исследовании башни № 19 оборонительной стены, где обнаружена парфянская мина, пущенная под башню, и часть куртчины, а также римская контрмина, встретившаяся с парфянским подкопом,—подземная встреча привела к сражению и пожару деревянных креплений мины. В результате сражения на месте остались: один труп парфянского воина и шесть или семь трупов солдат гарнизона крепости. При них найдены железные кольчуги, шлемы, умбоны щитов, мечи и другое оружие. Пожар крепления вызвал обвал мины, в результате чего последовало частичное разрушение башни. Примыкающая к ней куртчина треснула и слегка накренилась. Этот драматический эпизод относится к последнему периоду жизни города.

Как было отмечено в начале, первые исследователи Дура-Эвропос были весьма очастливлены находкой нескольких пергаментов. Тексты на пергаменте и папирусе в большом числе найдены и в последующих раскопках. Из числа полученных до 1932 г. отметим целый ряд пергаментов и папирусов, найденных в претории, а среди них календарь (фасты) официальных празднеств, списки солдат и контракты на продажу имущества. Одним из наиболее интересных документов этой серии является циркулярное письмо Мариа Максима, императорского легата и историографа, командирам нескольких гарнизонов, содержащее точные указания о приеме и содержании посланника парфянского царя (по имени Goces), направлявшегося к императору Септимию Северу (AJA, XXXVIII, № 1, p. 196). Эти «военные» папирусы проливают новый свет на вопросы организации римских гарнизонов на Евфрате, служат прекрасной документацией римской восточной политики и дипломатии в первой половине III в. н. э.

Пергаменты и папирусы 1932/33 г. дают следующие тексты: отрывок Диатессарона Татиана на греческом языке—произведение, известное до сих пор лишь в переводе; отрывок еврейского литургического текста; отрывок контракта, содержащий номенклатуру некоторых городских должностных лиц парфянской эпохи (*Ζαλιχο: δικασται, εδωχου-γεις και πρακτωρ*). Текст датируется 87 г. н. э.; контракт на греческом языке, 134 г. н. э., о ссуде суммы в 100 серебряных драхм под залог всего имущества займодержателя, с уплатой в виде процентов двенадцати с половиной амфор вина ежегодно; контракт о продаже виноградника и раба, на греческом языке, 204 г. н. э.; контракт о женитьбе солдата XX палестинской когорты, на греческом языке, 232 г. н. э.; контракт о продаже раба из Эдессы, на греческом языке, 243 г. н. э., и несколько других фрагментированных текстов.

Читатель мог убедиться в том, насколько свеж и интересен материал, добытый раскопками Дура-Эвропос. Нашим глазам открывается большой и культурный торговый город Северо-восточной Сирии, где элементы сирийской, иранской и римской куль-

туры спаяны между собой воедино эллинизмом. Греческий язык был преобладающим в официальной и частной жизни на протяжении всего времени существования города. Греческие надписи и граффити встречаются повсеместно, даже в пальмирских, парфянских и иудейских храмах. При этом мы наблюдаем весьма свободное сосуществование самых различных культурных элементов, особенно ярко выраженное в памятниках религии и искусства. Пальмирское искусство, представленное живописью и скульптурой, и пальмирская письменность (раскопки Дура-Эвропос дали наиболее древние ее образцы) продолжали существовать до самого разрушения города. Иранский элемент, наложивший печать на храмовую архитектуру и выраженный в целом ряде скульптурных, графических и письменных памятников, интересен не только с точки зрения его влияния на культуру этого города, но представляет материал, важный для уяснения общих вопросов происхождения сасанидского искусства, парфянской религии и парфянской провинциальной администрации. Элементы еврейской культуры, засвидетельствованные несколькими надписями и текстами, благодаря открытию вышеописанной синагоги, опять-таки выходят далеко за пределы местного значения. Находка христианского храма начала III в. н. э. ставит Дура-Эвропос в число пунктов, важных для истории восточной церкви и раннего христианства вообще. О значении материала, связанного непосредственно с историей римской Сирии, мы уже говорили. Надписи и граффити Дура-Эвропос, сообщающие большое количество собственных имен, послужили уже материалом для изучения этнического состава населения города и позволили поставить ряд просопографических проблем (см. J. J o h n s o n — Dura-Studies, 1932).

Раскопки Дура-Эвропос имели место и в последующие годы (см. обзор археологических раскопок в Средиземноморье) и привели к целому ряду новых открытий (среди них на первом месте Митреум) и к уточнению ранее полученных данных.

Отчет о раскопках Дура-Эвропос выходит, с одной стороны, за рамки «предварительных» сообщений, содержа иной раз целые исследования по тому или другому частному поводу, и в то же время в нем нет того, что является неотъемлемой принадлежностью всякого археологического отчета: стратиграфической характеристики раскопанного объекта, на основе изучения грунтовых условий и данных массового (керамического) материала. Эта сторона дела остается весьма слабым местом американских раскопок. Невнимание к стратиграфическим данным, метод сплошной расчистки, а не правильной послойной раскопки приводят к тому, например, что дата оборонительной городской стены, — так хорошо сохранившегося и обладающего столь определенной физиономией памятника, — не может считаться установленной точно и меняется по мере появления нового эпиграфического материала. Так же точно обстоит дело и с другими сложными архитектурными комплексами. Еще один большой недостаток заключается в множественности и разбросанности отдельных раскопок по территории городища. Это, несомненно, также препятствует возможности обстоятельного решения общих хронологических и топографических проблем.

Издана книга хорошо, тексты и надписи воспроизведены со всей тщательностью, в большинстве случаев даются транскрипция и перевод, найденные монеты подробно перечислены и описаны. Кроме 37 рисунков, в книге даны 53 таблицы, а также 12 указателей.

Л. А. Ельницкий